

ЕЛИЗАВЕТА СОЛОВЕЙ

РАЗРЕШИТЬ *себе*

МОРЕ.
ЛЮДИ.
ЧУВСТВА.
ТЫ.

ИНОГДА
ДОСТАТОЧНО
ОДНОГО ОТПУСКА,
ЧТОБЫ
ИЗМЕНИТЬ
ВСЁ.

*Иногда
новые места
помогают
найти себя*

*Одно
путешествие.
Ты.
И больше
возможностей.*

*Milos
Grosse*

Елизавета Соловей

Разрешить себе

<https://litres.ru/74459867>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дафна приезжает на Милос всего на две недели - вернуться в родной дом, побыть с бабушкой и ненадолго забыть о жизни, от которой она слишком устала. Она уверена, что после отпуска все снова станет как прежде. Но море, старые воспоминания и неожиданное знакомство с Яннисом заставляют ее задуматься: а действительно ли хочет она вообще возвращаться к прежней себе?

Иногда, чтобы изменить жизнь, не нужно переставать бояться. Нужно лишь однажды разрешить себе.

Эта книга посвящается всем девушкам, которые так долго отдавали себя работе, обязанностям и другим людям, что однажды перестали спрашивать себя: «А чего хочу я?»

Содержание

3 Августа	4
4 Августа	26
5 Августа	53
5 Августа. Ужин	65
6 Августа	73

Елизавета Соловей

Разрешить себе

3 Августа

Я тихо открываю дверь в дом, и мне в нос сразу ударяют яркие, до боли знакомые запахи - свежего хлеба, нагретого за день дерева, сухих трав, оливкового масла и чего-то еще, чему я никогда не могла подобрать название.

Наверное, так пахнет дом.

Не квартира, в которой стоят твои вещи. Не место, где ты спишь, оставляешь чашку на столе, машинально бросаешь ключи в одну и ту же миску у двери и каждый месяц оплачиваешь счета.

А настоящий дом - тот, который узнаешь с закрытыми глазами. Тот, по которому сердце начинает скучать гораздо раньше, чем ты сама успеваешь это понять.

Я замираю на пороге. Чемодан остается позади, едва не прижатый дверью.

Из кухни тихо доносится музыка. Старая греческая песня, в которой певица протяжно тянет слова, а между ними слышится легкое потрескивание радио.

Это старенькое радио стояло на одной и той же полке столько, сколько я себя помню. Оно давно потеряло одну из

кнопок, антенна держалась под странным углом, а бабушка все равно отказывалась менять его на новое.

Она всегда говорила, что новое будет звучать «слишком чисто».

Раньше я смеялась. Сейчас мне кажется, что понимаю, о чем она.

Бабушка стоит ко мне спиной у кухонного стола. На ней светлое домашнее платье в мелкие синие цветочки и старый фартук, завязанный на талии. Она осторожно достает из печи круглый хлеб, придерживая форму сложенным в несколько раз полотенцем.

Я смотрю на нее и не могу пошевелиться.

За этот год ее плечи будто стали ниже. Седины в волосах заметно прибавилось, а сама она похудела так, что платье теперь свободнее сидит на спине.

Я видела ее каждую неделю по видеосвязи. Правда, половину наших разговоров вместо бабушки мне приходилось рассматривать потолок или ее лоб.

- Ба, я вижу только твой лоб.

- И что не так с моим лбом?

- Ничего. Просто хотелось бы иногда видеть тебя целиком.

- Это мой телефон и мой лоб. Я делаю с ними что хочу.

Экран оказался милосерднее реальности.

Только сейчас я понимаю, насколько сильно она изменилась.

И насколько сильно я по ней скучала.

Боль появляется внезапно. Не острая, а тяжелая, сдавливающая грудь изнутри.

Мне хочется сказать ей все сразу. Что почти каждый раз после наших звонков я чувствовала себя виноватой. Что мне не хватало ее голоса в жизни. Не хватало того, как она гладит меня по голове. Как спрашивает, поела ли я, а через десять минут задает тот же вопрос, словно ответ мог за это время измениться.

Мне хочется сказать, как сильно я ее люблю.

Я приоткрываю рот, но из горла выходит только короткий хрип.

Бабушка слышит и оборачивается.

Несколько секунд просто смотрит на меня.

Полотенце медленно выskalъзывает из ее пальцев.

- Дафна...

Я улыбаюсь. Получается криво, потому что глаза уже начинают щипать.

- Привет, ба.

Она закрывает рот ладонью.

- Господи...

Глаза моментально наполняются слезами.

- Сюрприз.

- Боже, Дафна... Ты... Почему ты здесь? Мы же разговаривали три дня назад!

- Потому что тогда это уже не было бы сюрпризом.

Она делает несколько быстрых шагов и почти врeзается

в меня. Я едва успеваю отойти от двери, когда бабушка обнимает меня. Сильно. Так сильно, что на секунду выбивает воздух из груди. Я смеюсь сквозь слезы и обхватываю ее руками.

- Ба, мне еще нужно немного дыхания.

- Вот когда научишься предупреждать заранее, тогда подумаю о твоём дыхании.

Она гладит меня по спине, волосам, плечам, будто проверяет, действительно ли я перед ней. Я утыкаюсь носом ей в волосы. От нее пахнет свежим хлебом, теплой хлопковой тканью, солнцем и травяным мылом, которое всегда лежало возле кухонной раковины в маленькой керамической мыльнице с синими рыбками. И на несколько секунд мне снова восемь. Я вернулась после плохого дня. Упала. Разбила колено. Поссорилась с кем-то. Потеряла игрушку. Неважно. Потому что сейчас меня обнимут - и мир снова станет понятным.

- Почему ты ничего не сказала? - шепчет бабушка мне в волосы.

- Я хотела тебя удивить.

- Удивила. У меня чуть хлеб из рук не выпал.

- Значит, получилось.

Она немного отстраняется.

- Негодница.

И снова прижимает меня к себе. Уже медленнее. Тише. Просто держит.

Мне вспоминается, как в детстве я засыпала у нее на коленях прямо на этой кухне. Взрослые продолжали разговаривать, звенела посуда, кто-то смеялся, а я каким-то чудом спала.

Дедушка каждый раз ворчал:

- Разбалуеть совсем.

А потом все равно нес меня в кровать.

Я до сих пор помню его руки под коленями, запах неизменной клетчатой рубашки и то, как притворялась спящей, хотя просыпалась еще на лестнице.

Я закрываю глаза. Не сейчас. Мне нельзя сейчас вспоминать слишком много. Иначе я просто не остановлюсь.

Через несколько минут мы наконец размыкаем объятия, но бабушка продолжает держать меня за руки. Смотрит. Я тоже смотрю на нее. Будто нам обоим нужно убедиться, что за этот год мы не забыли лица друг друга.

- Ты похудела, - тихо говорю я.

Она сразу хмурится.

- Не придумывай!

- Я серьезно.

- А ты поправилась.

Я возмущенно открываю рот.

Бабушка улыбается.

- Вот. Теперь обе сказали друг другу неприятное и можем спокойно поесть.

- Ты специально это сказала, чтобы я от тебя отстала.

- Конечно.

Я качаю головой.

- Я по тебе скучала.

Ее улыбка становится мягче.

- И я по тебе, девочка моя. Очень.

После смерти дедушки год назад она действительно стала другой. Тише. Даже когда смеется. Наверное, я слишком долго думала о его смерти только как о собственной потере.

Я потеряла дедушку. Она же потеряла человека, рядом с которым просыпалась десятилетиями. С которым завтракала, спорила из-за незакрытой двери, ругалась из-за песка на полу и закатывала глаза, когда он в сотый раз рассказывал гостям одну и ту же историю. А потом однажды половина этой повседневности исчезла.

Я до сих пор корю себя за то, что после похорон не осталась с ней дольше. Работа. Обязательства. Счета. Сообщения. Люди, которым всегда что-то от тебя нужно. Жизнь почему-то умеет убедить тебя, что именно сейчас она слишком важна, чтобы остановиться.

Бабушка первой отпускает мои руки.

- Господи, а я стою. Ты же с дороги! Ты ела?

- На пароме.

- Что?

- Кофе и булочку.

Она смотрит на меня с таким выражением, будто я призналась в преступлении.

- Кофе - не еда.

- Я знала, что ты это скажешь.

Она уже разворачивается к кухонному столу.

- Садись.

Я оставляю чемодан возле двери и падаю на стул. Деревянная спинка знакомо скрипит. Только теперь понимаю, насколько устала. Дорога, паром, жара, последние бессонные ночи перед отпуском - все наваливается одновременно.

Бабушка ставит передо мной свежий хлеб, тарелку крупно нарезанных помидоров с оливковым маслом, солью и базиликом.

На подоконнике тесно стоят горшки с мятой, тимьяном и тем самым крошечным кактусом, который она уже лет пятнадцать обещает пересадить. Окно над раковиной приоткрыто. С улицы тянет сухим теплым воздухом, цветами и едва заметной морской солью.

- Жаль, не предупредила, - говорит бабушка. - Я бы приготовила что-нибудь нормальное.

- У тебя на столе хлеб размером с мою голову.

- Хлеб - это хлеб.

- Очень содержательно.

Она качает головой.

- Ребенок приехал с дороги, а у меня одни помидоры да сыр.

- Мне двадцать шесть.

Бабушка оборачивается.

- И?

- Какой я ребенок?

Она смотрит на меня так, будто я сказала нечто невероятно глупое.

- Мой.

Я замолкаю. Одно слово - и снова становится трудно дышать.

Бабушка первой отводит взгляд.

- Ешь.

Я отламываю кусочек хлеба. Корочка хрустит под пальцами, внутри он еще горячий. Я макаю его в масло, смешавшееся с томатным соком, и после первого кусочка закрываю глаза.

- Я забыла, какой у тебя хлеб.

Бабушка довольно улыбается. Некоторое время мы просто сидим за столом. Хлеб. Помидоры. Масло. Чай. Через открытое окно шевелится тонкая занавеска, на стол ложатся солнечные пятна, а где-то за домом непрерывно стрекочут цикады.

Через мгновение бабушкин взгляд останавливается на пустом стуле у края стола. Совсем ненадолго. Но я замечаю. И она замечает, что я заметила. Мы ничего не говорим. Бабушка просто наливает мне еще чая.

- На сколько ты приехала? - спрашивает она спустя несколько секунд.

- На две недели.

Ее лицо сразу светлеет.

- Отпуск?

Я киваю.

- Наконец-то.

Экран телефона рядом со мной загорается от нового уведомления. Я переворачиваю его экраном вниз. Бабушка замечает это, но ничего не говорит. И я благодарна ей за это. После еды она заворачивает хлеб в льняное полотенце, убирает помидоры и машинально собирает крошки ладонью со стола.

Я предлагаю помочь.

- Сегодня ты гостя, - отрезает она. - Завтра будешь мыть посуду.

Громко чмокнув ее в щеку я подхожу к окну. За стеклом небольшой внутренний двор. Белые стены чуть выцвели от солнца. В старых глиняных горшках растут герань, базилик и розмарин. По стене тянется бугенвиллея, густо усыпанная ярко-розовыми цветами.

Несколько лепестков лежат на каменном полу. Я вспоминаю, как в детстве собирала их и делала «духи», складывая в банку с водой. Пахло конечно ужасно. Но я была уверена, что изобрела нечто невероятное.

- Ты однажды пыталась продать мне эти духи, - замечает бабушка.

Я оборачиваюсь.

- Я была предпринимателем.

- Ты требовала пять евро за банку протухших цветов.

- Ручная работа.

Она смеется.

- Я все равно купила две.

- Значит, продукт был хороший.

- Нет. Я просто пыталась быть хорошей бабушкой.

Я смеюсь вместе с ней. Потом забираю чемодан и иду в свою комнату. Когда-то она принадлежала моей маме. Потом - мне.

Здесь почти ничего не изменилось. Мягкая кровать. Небольшой деревянный стол возле окна. Фотографии с выпускного. Полный шкаф книг, страсть, которая растем вместе со мной. Старые открытки на пробковой доске. На одной - море, на другой - Афины, на третьей детским почерком написано: «Бабушке и дедушке от Дафны». На полке стоит стеклянная банка с ракушками.

Я беру одну. Белую, с розовым краем. Дедушка когда-то сказал мне, что если приложить ее к уху, можно услышать море. Лет до двенадцати я ему верила. Потом узнала правду и ужасно обиделась.

- Ты меня обманывал!

Он посмотрел на меня совершенно серьезно.

- Ты слышишь море?

- Да.

- Тогда какая разница?

- Это просто звук крови в ушах! Мне в школе сказали.

- Школа много чего говорит.

- Но здесь она права.

- Может быть. А когда ты прикладывала ракушку к уху, тебе было хорошо?

- Да, но...

- Вот и весь разговор.

Я тогда долго думала над этим ответом. До сих пор не решила, был он мудрым или дедушка просто ловко выкрутился.

В шкафу все еще висят мои старые вещи. Я вытаскиваю одну юбку, прикладываю к себе и сразу возвращаю обратно. Нет. Даже проверять не буду.

На окне висят мои любимые занавески с лимонами. Мне было лет десять, когда мы их выбирали. На самом деле я хотела занавески с русалками.

Дедушка тогда посмотрел на рисунок и сказал:

- Я не уверен, что хочу ночью просыпаться в доме, где на меня смотрят женщины с рыбьими хвостами.

- Они красивые!

- Поэтому еще опаснее.

Я тогда устроила настоящую трагедию и пообещала больше никогда с ним не разговаривать. Вышла из магазина, села на ступеньки и демонстративно отвернулась. Дедушка сел рядом и молча протянул мне лимонное мороженое.

- Это подкуп?

- Конечно.

Через пять минут мы уже спорили, кто съел больше. В итоге купили с лимонами в память о мороженном.

Я улыбаюсь и падаю на кровать. Странно, какие мелочи переживают людей.

Постель пахнет свежестью, солнцем и чистым бельем. В окно тянет теплым воздухом, занавески едва колышутся. Будто комнату все это время держали готовой. Будто бабушка регулярно открывала окно, перестилала белье, протирала полки, поправляла книги и ждала, что однажды дверь откроется и я скажу: «Я приехала».

От этой мысли становится больно. И одновременно невероятно спокойно. Я закрываю глаза и засыпаю.

Просыпаюсь уже вечером. Несколько секунд лежу неподвижно, не понимая, где нахожусь. Потом вижу лимоны на занавесках. Милос. Я дома.

За окном становится темнее. Дневная жара спала, и на стене напротив отсвечивает мягкая оранжевая полоса закатного света.

Я умываюсь холодной водой, собираю волосы и выхожу искать бабушку. Возле двери все еще висит дедушкина соломенная шляпа. Я останавливаюсь. Мне хочется взять ее в руки, но я не могу. Не сегодня. Бабушка сидит на веранде. В руках у нее книга, которую я привезла из Афин. На маленьком столике рядом - чай и мисочка домашнего винограда.

Я останавливаюсь.

- Ты серьезно?

Она поднимает глаза.

- Что?

- Это моя книга.

- Хорошая, кстати.

- Я сама ее еще не дочитала.

- Значит, надо было читать быстрее.

Я смеюсь и подтаскиваю соседнее кресло ближе. На веранде витают запахи теплого камня, винограда, мятой и морским воздухом. Где-то неподалеку готовят ужин, и ветер время от времени приносит запах чеснока и жареных овощей.

- На какой ты странице?

Она показывает.

- Ты уже дальше меня.

- Хочешь расскажу, что происходило?

Я качаю головой и сажусь рядом. Некоторое время просто смотрю на нее. Потом неожиданно для самой себядвигаюсь ближе и кладу голову ей на плечо. Бабушка ничего не спрашивает. Только откладывает книгу. Ее ладонь ложится на мои волосы. Она начинает медленно гладить меня по голове. Как раньше. И что-то внутри меня моментально размягчается. Мне нужна она. Очень. Мне нужно хотя бы несколько дней не быть сильной. Не быть сотрудником. Не быть взрослой женщиной, которая всегда знает, что делать. Не отвечать вежливо человеку, который только что тебя оскорбил. Не объяснять, что ты «понимаешь его недовольство». Не искать правильные слова. Не следить за тоном.

Не доказывать, что имеешь право устать. Мне хочется просто сидеть. Чувствовать ее плечо под щекой. И знать, что, пока она рядом, я еще не совсем утонула. Она гладит меня по волосам еще несколько минут.

Потом тихо спрашивает:

- Что случилось у тебя, девочка?

Я смотрю на море.

- Ничего.

- Хорошо.

Я жду продолжения. Но его нет.

- И все?

- А что еще?

- Обычно ты начинаешь допрашивать.

- Ты приехала сегодня. Дам тебе время хотя бы до завтра.

Я улыбаюсь.

- Очень щедро.

Она тоже улыбается.

- Если пока не хочешь рассказывать, не надо.

- Ты не обидишься?

Бабушка смотрит на меня с удивлением.

- За что?

- Что я приехала неожиданно и молчу.

Она берет мою руку.

- Дафна, ты можешь приехать ко мне счастливой. Можешь злой. Можешь уставшей. Можешь два дня молчать, если тебе так легче.

- Только два?

- На третий я все равно начну спрашивать.

Я смеюсь.

- Вот, теперь узнаю тебя.

- Мне достаточно, что ты здесь.

Я снова опускаю голову ей на плечо. Вместо слез приходит тишина. Хорошая. Неподалеку слышно море. Ветер трогает листья в саду. Небо над крышами становится розово-сиреневым. Мой взгляд останавливается на высоком лавре возле стены.

- Он все еще здесь.

Бабушка прослеживает за моим взглядом.

- А куда ему деваться?

- Дедушка каждый год говорил, что спилит его.

- И каждый год получал от меня по рукам.

Я улыбаюсь.

- Я вообще не понимаю, от куда оно здесь.

Бабушка вдруг замолкает.

Я замечаю это сразу.

- Что?

Она смотрит на дерево. Ее лицо становится мягким и немного грустным.

- Его посадила твоя мама.

Я выпрямляюсь.

- Мама?

- Да. Когда узнала, что беременна тобой.

Я снова перевожу взгляд на дерево. Я знаю этот лавр всю жизнь. Играла возле него. Пряталась за ним. Обрывала листья. Однажды приготовила из них «суп» для кукол и испортила бабушкину кастрюлю. Но никогда не спрашивала, откуда он взялся.

- Почему лавр?

Бабушка улыбается.

- Потому что она уже решила, как тебя назовет.

- Еще до моего рождения?

- Почти сразу.

- Она ведь даже не знала, что будет девочка.

- Твоя мать была уверена.

Я смотрю на него.

- А почему именно Дафна?

- Когда твоя мама была маленькой, дедушка рассказывал ей мифы перед сном. Больше всего ей нравилась история Дафны. Я хмурюсь.

- Та самая? Где Аполлон преследует девушку, пока она не превращается в дерево?

- Та самая.

- Очень жизнеутверждающая история для имени ребенка. Бабушка смеется.

- Я ей сказала примерно то же самое.

- И?

- Она страшно возмутилась. Сказала, что я ничего не поняла.

- А что она поняла?

Бабушка медленно проводит ладонью по моей руке.

- Для нее это была история не о том, что Дафна превратилась в дерево. А о том, что она не позволила другому решить за нее, кем ей быть.

Я перестаю улыбаться. Ветер шевелит листья лавра.

- Мама так говорила?

Бабушка на секунду закрывает глаза, вспоминая.

- Она сказала: «Она испугалась, но все равно выбрала сама».

Мне почему-то становится трудно смотреть на нее. Я отворачиваюсь к морю.

- А потом она заставила твоего дедушку найти саженец лавра, - продолжает бабушка. - Он вернулся вечером весь в пыли, злой, поставил его посреди кухни и заявил: «Если ребенок родится мальчиком, я уеду жить в Афины».

Я начинаю смеяться.

- А мама?

- Даже головы не подняла. Сказала: «Не уедешь».

- И он не уехал.

- Конечно, нет.

Я улыбаюсь, представляя их. Мама умерла давно. Но есть моменты, к которым невозможно окончательно привыкнуть. Я снова смотрю на лавр.

- Получается, он старше меня.

- На несколько месяцев.

- Почему ты раньше не рассказывала?

Бабушка пожимает плечами.

- Наверное, ждала момента, когда ты действительно захочешь сама услышать.

Я некоторое время молчу.

- Она была счастлива, когда ждала меня?

- Очень.

Глаза начинает щипать.

- Она боялась?

На этот раз бабушка думает.

- Конечно.

Я удивленно смотрю на нее. В моей памяти мама всегда была бесстрашной. Как будто взрослые, всегда являются теми, кто, точно знает, что делает

- Чего?

- Не справиться. Быть плохой матерью. Что денег не хватит. Что ты родишься больной. Что потеряет свободу. Что потеряет себя.

Я молчу.

- Она рассказывала тебе это?

- Я ее мать.

Бабушка чуть улыбается.

- Ты думаешь, только ты умеешь сидеть рядом со мной и говорить «все нормально», когда внутри совсем не нормально?

Я невольно улыбаюсь.

- И что ты ей говорила?

Бабушка смотрит на свои руки.

- Сначала слишком много советов. Сейчас половину из них я бы не дала.

- А потом?

- Поняла, что советы мало помогают, когда человеку страшно. И просто была рядом.

Эта фраза звучит совсем просто. Наверное, поэтому и остается внутри.

- И она перестала бояться?

- Нет. Люди редко перестают бояться только потому, что им сказали правильные слова. Она просто жила дальше. Страх никуда не делся, но перестал быть главным.

Я снова смотрю на лавр. Его листья шелестят над белой стеной.

- Получается, я названа в честь женщины, которая испугалась, превратилась в дерево и все равно считается сильной?

- Именно так. Могла быть Каллиопой.

Я резко поворачиваюсь.

- Что?

- Мне нравилось имя Каллиопа.

- Спасибо, что мама победила.

Она шлепает меня по руке. Я смеюсь. Она тоже. И этот смех вдруг становится таким теплым, что на несколько секунд исчезает все остальное. Работа. Усталость. Вина. Смерть. Страх.

Мы просто две женщины на старой веранде, спорящие о том, каким именем меня могли назвать двадцать шесть лет назад. Когда смех стихает, я снова кладу голову ей на плечо.

- Ба?

- М?

- Я рада, что приехала.

Она гладит меня по руке.

- А я-то как рада.

Мы молчим некоторое время.

- Я думала, что просто приеду, посплю, почитаю, побуду с тобой...

- Так и делай.

Я смотрю на море.

- А если вообще не захочу возвращаться?

Говорю это шутливо. Но бабушка не смеется.

- Тогда будешь думать и делать так как считаешь важным ты сама.

Я поворачиваюсь к ней. Она мягко сжимает мою ладонь.

- Ты устала, Дафна. Это видно.

Я опускаю глаза.

- Просто работа.

Она не отвечает. С моря приходит легкий ветер. Где-то на соседней улице звякает посуда, хлопает дверь, кто-то зовет ребенка домой. В саду пахнет лавром, базиликом, жасмином и влажной землей после полива. Я смотрю на дерево. На лавр, который моя мама посадила еще до моего рожде-

ния. И почему-то впервые думаю не о том, какой она была. А о том, чего она боялась. Мне всегда казалось, что она идеальна. А теперь бабушка рассказала мне о молодой женщине, которая ждала ребенка, боялась будущего - и все равно посадила дерево. От этой мысли становится легче. Совсем немного. Но легче.

- Ты ведь расскажешь мне? - спрашивает бабушка.

- Что?

- Что у тебя происходит.

Я смотрю на море.

- Когда-нибудь.

Темнеет. Небо над морем постепенно теряет розовый оттенок и становится глубоким, синеватым. В окнах соседних домов один за другим загорается теплый свет. Мне все еще страшно возвращаться через две недели домой. Я все еще не знаю, что делать с работой. Не понимаю, почему в последнее время просыпаюсь уже уставшей. Не знаю, чего хочу. И, наверное, больше всего пугает именно это. В двадцать шесть лет почему-то кажется, что уже положено знать. Куда идти. С кем быть. Кем становиться. Чего хотеть. Но сейчас рядом со мной сидит бабушка. Передо мной море. За спиной дом. А возле стены растет лавр, который мама посадила, когда меня еще не существовало для всего мира, кроме нее. И сегодня я впервые узнаю, почему меня зовут Дафной.

«Она испугалась. Но все равно выбрала сама».

Я повторяю эту мысль про себя. Пока она ничего не ме-

няет. Не дает ответа. Не делает меня смелее. Но почему-то остается внутри. Будто маленькое семечко, которое однажды, возможно, тоже во что-нибудь вырастет.

4 Августа

На Милосе я всегда просыпалась раньше, чем собиралась.

В Афинах будильник мог звонить несколько раз, прежде чем я соглашалась открыть глаза. Потом начиналось привычное: телефон, сообщения, рабочие чаты, шум с улицы, кофе наспех и ощущение, что я уже куда-то опаздываю, хотя день еще толком не начался.

Здесь меня разбудил свет.

Он пробрался сквозь неплотно закрытые ставни и лег на стену тонкими золотистыми полосами. Одна пересекала край шкафа, другая - спинку старого деревянного стула, на который я вчера бросила платье. Комната уже начинала нагреваться, хотя часы на тумбочке показывали всего половину девятого. Я еще несколько минут лежала, слушая дом.

С первого этажа доносился негромкий звон посуды. Где-то за окном перекликались птицы, ветер шевелил листья, а потом по комнате медленно поплыл запах кофе. Следом появился другой - теплый, маслянистый, с легкой солоноватой ноткой печеного сыра. Я улыбнулась. Бабушка не умела готовить «что-нибудь к завтраку». Если в доме был человек, которого она любила, на столе обязательно оказывалось столько еды, словно одним завтраком можно было наверстать все месяцы разлуки.

Я потянулась за телефоном. Восемь новых уведомлений.

Два рабочих чата, несколько сообщений и письмо. Палец привычно завис над экраном. Я была в отпуске. Эту мысль почему-то приходилось себе напоминать.

Еще вчера я бы открыла первое сообщение просто из любопытства. Потом второе. Увидела бы вопрос, на который никто не ответил, и решила бы, что быстрее разобраться самой. Через двадцать минут я уже сидела бы с телефоном в руках и мысленно снова находилась в Афинах.

Я перевернула его экраном вниз. Работа подождет. По крайней мере, сегодня.

Поднявшись с кровати, подошла к зеркалу. После сна мои темно-каштановые волосы окончательно решили жить отдельно от меня. Несколько прядей торчали у висков, остальные спутались на спине. Глаза выглядели еще сонными, а на щеке осталась тонкая красная полоска от подушки. Я собрала волосы руками и заплела свободную косу, перекинув ее через плечо. Несколько коротких прядей почти сразу выбились у лица, но переделывать я не стала. На мне было простое светлое платье на тонких бретелях - одно из тех, которые я обычно носила только дома или на отдыхе. Перед зеркалом я по привычке одернула ткань на животе. Потом остановилась.

Я делала это постоянно. Поправляла одежду. Втягивала живот на фотографиях. Выбирала, с какой стороны встать. Проверяла, не слишком ли плотно ткань облегает бедра. Даже когда рядом никого не было. Я отпустила платье. Не сегодня. Хотя бы не с самого утра.

Чем ближе я подходила к кухне, тем сильнее становились запахи. Свежий кофе, горячее тесто, оливковое масло, орегано и что-то сладкое. Бабушка стояла возле открытого окна и раскладывала еду по тарелкам. Она была невысокой, немного ниже меня. Волосы, когда-то почти черные, теперь стали серебристо-серыми. Сегодня она собрала их на затылке и закрепила старой заколкой, но несколько тонких прядей выбились и легли вдоль лица. На ней было светло-голубое платье чуть ниже колен и белый передник с маленькими вышитыми цветами. Я помнила его столько же, сколько помнила себя.

- Доброе утро.

Бабушка обернулась. И сразу улыбнулась. Не просто губами - всем лицом.

- Доброе утро, моя девочка.

Я остановилась возле стола. Там уже стояла корзинка с теплым хлебом, миска густого греческого йогурта, мед, оливки, сыр и абрикосы. На отдельной тарелке лежали румяные треугольники тонкого теста с сыром и зеленью. А посередине стояла тарелка с крупно нарезанными помидорами.

Я посмотрела в открытое окно. За ним, во дворе, краснели те самые помидоры, которые бабушка выращивала каждый год. Чуть дальше, возле белой стены, росло небольшое лимонное дерево. Между густыми листьями висели желтые плоды, некоторые почти касались веток розмарина под ними.

- Мы кого-то ждем?

- Нет. Только тебя.

От этих слов внутри стало тепло. Наверное, потому что в последнее время меня часто ждали только там, где от меня что-нибудь было нужно. Ответить. Решить. Исправить. Успеть. А здесь меня просто ждали к завтраку.

Я села на свое старое место возле окна. Когда-то мне приходилось забираться на этот стул, придерживаясь за край стола, тогда ноги не доставали до пола. Потом я стала доставать. А стол остался тем же.

На светлой столешнице до сих пор была тонкая царапина возле края. Я провела по ней пальцем и неожиданно вспомнила, как сделала ее лет в десять, когда пыталась сама разрезать яблоко и испугалась, что бабушка будет сердиться.

Она не сердилась. Кажется, она вообще редко сердилась на меня по-настоящему.

Занавеска на окне время от времени поднималась от ветра, принося с улицы запах сухой земли, трав и нагретых солнцем листьев.

Бабушка поставила передо мной чашку кофе и села напротив.

- Как спала?

- Хорошо. Даже странно хорошо.

Она посмотрела на меня чуть дольше обычного.

- Ты очень устала, Дафна.

Это прозвучало не как вопрос.

Я опустила взгляд на чашку.

- Наверное.

На самом деле я знала, что она права. Только признать, насколько сильно я устала, было почему-то страшнее, чем продолжать говорить себе, что мне просто нужен отпуск. Бабушка не стала расспрашивать. И я была ей за это благодарна. Она всегда чувствовала, когда мне хотелось рассказать, а когда нужно было просто оставить для меня место рядом.

Я взяла один из треугольников теста. Тонкая корочка хрустнула, а внутри оказался мягкий солоноватый сыр с зеленью. От горячей начинки пахло мятой, укропом и оливковым маслом. На секунду закрыла глаза.

- Я скучала по твоей еде.

Бабушка улыбнулась.

- А я скучала готовить для тебя.

Я посмотрела на нее. Наверное, вчера я еще не до конца поняла, насколько сильно соскучилась сама. Не только по ней. По этой кухне. По старому столу. По чашкам, которые никогда не сочетались друг с другом. По открытому окну. По тому, как утром можно было сорвать помидор прямо во дворе и еще чувствовать на его коже солнечное тепло. По ощущению, что здесь мне не нужно было ничего заслуживать.

Отломив кусочек хлеба, обмакнула его в оливковое масло с орегано. Масло было терпким, чуть горьковатым, а теплый хлеб впитал его почти мгновенно. Помидоры оказались сладкими и мясистыми. Бабушка крупно нарезала их, посы-

пала морской солью и сухим орегано. На дне тарелки смешались густой томатный сок и золотистое масло. Я положила в йогурт ложку меда. Первый же вкус заставил меня остановиться.

- Это от Спироса?

Бабушка кивнула.

- Он до сих пор привозит мне банку каждое лето.

Когда-то за медом всегда ходил дедушка. Он возвращался с двумя банками вместо одной и говорил, что Спирос опять «случайно отдал лишнюю», хотя мы прекрасно знали, что вторую он покупал специально.

- Дедушка любил его больше всех нас, - тихо сказала я.

Бабушка улыбнулась, но глаза у нее стали другими.

- Особенно на теплом хлебе.

- И обязательно побольше.

- Да.

Мы обе улыбнулись. На несколько секунд между нами стало тихо. Год назад я не приехала на Милос. Тогда мне казалось, что я просто не готова увидеть этот дом без дедушки. Не готова войти на кухню и заметить пустой стул. Не готова понять, что никто больше не пройдет по коридору знакомой тяжелой походкой. Теперь пустой стул все равно был здесь. Только рядом сидела бабушка. И мне вдруг подумалось, что, пока я избегала собственных воспоминаний, она оставалась с ними одна.

Я подняла глаза.

- Я правда очень по тебе скучала.

Бабушка протянула руку через стол и накрыла мою ладонь своей.

- Я знаю, моя девочка. Я тоже скучала.

Я сжала ее пальцы. Мне хотелось сказать больше. Что мне жаль, что я так долго не приезжала. Что иногда я собиралась позвонить ей вечером, но после работы не оставалось сил даже на разговор. Что мне стыдно за это. Но бабушка словно поняла и без слов. Она просто не убрала руку. И почему-то этого оказалось достаточно. После завтрака она достала тканевую сумку и небольшой листок.

- Если пойдешь гулять, зайди, пожалуйста, в лавку.

Я посмотрела список. Сыр, молоко и еще несколько мелочей для обеда. Помидоры и лимоны покупать не требовалось. И тех и других во дворе было столько, что бабушка уже начала складывать помидоры в небольшую корзину для соседей, а ветви лимонного дерева приходилось подвязывать.

- Конечно.

Бабушка посмотрела на меня.

- И не спеши обратно только потому, что привыкла везде спешить.

Я подняла глаза. Она аккуратно сложила полотенце возле раковины.

- Ты приехала сюда отдыхать, Дафна. Но мне кажется, тебе нужно не просто отдохнуть.

- А что тогда?

Бабушка немного подумала.

- Вспомнить, что твоя жизнь принадлежит не только работе и людям, которым постоянно что-нибудь от тебя нужно.

Я ничего не ответила. Она подошла и осторожно поправила выбившуюся из моей косы прядь. Совсем как в детстве.

- Две недели ничего не решат за тебя, - продолжила она.
- Но за эти две недели ты хотя бы можешь снова услышать себя.

Я посмотрела на нее.

- А если мне не понравится то, что я услышу?

Бабушка улыбнулась. Не весело и не грустно. Просто тепло.

- Тогда у тебя наконец появится что-то настоящее, с чего можно начать.

Эти слова остались со мной. Я вышла из дома минут через двадцать и еще какое-то время думала о них.

На улице солнце уже стояло высоко. Я шла медленно, хотя первое время приходилось буквально заставлять себя не ускорять шаг. Милос возвращался ко мне не сразу. Сначала отдельными деталями. Белыми домами с яркими дверями и ставнями. Узкими улочками, по которым тянулись неровные полосы тени. Горшками с геранью и бугенвиллией возле входов - густые розовые и малиновые цветы свисали по белой штукатурке, словно кто-то случайно разлил по ней краску. Потом запахами. Солью. Нагретым камнем. Сухими травами. Кофе из маленьких кафе. Свежей выпечкой из открытой

двери пекарни. Иногда ветер приносил резкий морской запах, и тогда я понимала, что вода совсем рядом, даже если ее еще не было видно. Над белыми домами поднимались церковные купола. За ними виднелись сухие августовские холмы - золотистые, местами почти белые от солнца. А дальше начиналась синева Эгейского моря. На некоторых стенах краска облупилась от солнца и соли. На веревках между домами сушилось белье. Возле двери одного дома пожилая женщина перебирала травы. На ступенях спал кот, совершенно не обращая внимания на проходивших мимо людей. Это был не тот идеальный остров, который печатают на открытках. Здесь жили. И именно поэтому он был красивым.

Я помнила Милос детским. Огромным. Бесконечным. Тогда каждая дорога куда-нибудь вела, за каждым поворотом можно было найти что-то новое, а две недели казались почти целой жизнью. Теперь остров стал меньше. Или просто я выросла.

Я купила все по бабушкиному списку и сложила покупки в тканевую сумку. Можно было возвращаться. Но я вспомнила ее слова. Снова услышать себя. Пока внутри было довольно тихо. Поэтому я свернула к морю. Дорога постепенно спустилась к небольшой пристани. Несколько рыбацких лодок покачивались у причала. Их борта были выкрашены в белый и синий, местами краска уже потрескалась. Веревки тихо поскрипывали, натягиваясь вслед за водой.

Дальше, за пристанью, море почти сливалось с небом. Я

остановилась. Вот его я помнила правильно. Море не стало меньше. Солнце рассыпалось по поверхности тысячами бликов. Возле причала вода была настолько прозрачной, что можно было различить камни на дне, а дальше становилась густой, глубокой синевой. Красиво. И страшно.

Плавать я так и не научилась. В детстве дедушка несколько раз пытался меня учить. Я заходила в воду по пояс, намертво вцеплялась в его руку и обещала отпустить «через минуту». Эта минута так и не наступила. С возрастом стало проще говорить, что мне просто не нравится плавать.

Я остановилась в нескольких шагах от края. Так было спокойнее. У перевернутой лодки я заметила кошку. Маленькую, трехцветную, с белой грудкой и рыжим пятном над глазом. Один край уха был слегка надорван. Перед ней стояла пластиковая миска с водой, а рядом лежали остатки рыбы. Я невольно улыбнулась. Присела чуть ближе.

- Привет.

Кошка посмотрела на меня настороженно. Я протянула руку, но не стала приближать ее слишком сильно. Через несколько секунд она подошла сама. Сначала обнюхала пальцы. Потом потерлась щекой о ладонь. Я погладила ее между ушами. Она заурчала. Впервые с утра я вообще перестала думать. Ни о работе. Ни об Афинах. Ни о том, зачем приехала сюда. Просто сидела возле старой лодки и гладила кошку.

Мелькнула шальная мысль - будто остров специально расставил все именно так: свет из окна, бабушкины слова, доро-

га, которая сама привела ее к воде. Дафна усмехнулась своей же сентиментальности и тут же о ней забыла.

Яннис

Яннис проверил время в третий раз за последние десять минут.

До парома оставалось достаточно, но ему все равно хотелось уже подняться на борт, поставить сумку возле ног и наконец увидеть, как Милос начинает медленно отдаляться.

Не потому, что он ненавидел остров. Наверное, было бы гораздо проще, если бы ненавидел.

Сумка стояла рядом на скамье - темно-синяя, потертая на углах. В нее поместилось почти все, с чем он приехал сюда несколько недель назад: одежда, ноутбук, документы, зарядки и книга, которую он так ни разу и не открыл.

Остальное осталось в доме бабушки. Старые инструменты в сарае. Посуда. Выцветшие полотенца. Рыбацкая куртка на крючке возле двери. И лодка.

С лодкой оказалось сложнее всего. Дом можно было оценить в деньгах. Землю - тоже. Мебель можно было оставить новым хозяевам или раздать. Но лодка слишком сильно принадлежала деду. Яннис до сих пор помнил его руки на руле - большие, загорелые, с широкими пальцами и маленьким белым шрамом возле большого пальца. Помнил, как тот ворчал, если Яннис неправильно складывал веревку. Как учил смотреть не только на воду, но и на небо. Как говорил, что море предупреждает человека почти обо всем, просто люди

редко умеют его слушать. В детстве Яннис верил каждому его слову. Потом вырос. А теперь почему-то снова вспоминал.

Утром он в последний раз прошел по дому. Закрыв ставни в спальне. Проверил кран на кухне. Отключил лишнее электричество. Постоял возле комнаты дедушки, но внутрь так и не зашел. Задержался у двери. На стене возле крыльца все еще висела старая керамическая табличка с номером дома. Голубая краска на ставнях выгорела почти до серой. Под окном разрослись любимые розы, дедушки, за которыми никто не ухаживал с весны. Запах цветов твердо укоренился в памяти, казалось, что эти розовые кусты и есть часть его души, которая продолжит здесь жить вечно...

Все выглядело почти так же. Только человека, который делал этот дом домом, больше не было.

Яннис закрыл дверь. Ключ повернулся неожиданно громко. Вот и все. По крайней мере, он пытался убедить себя, что все. Вернуться в Афины. Продолжить работать. Видеться с друзьями. Снова привыкнуть к шуму машин под окнами, кофе и людям, которые всегда куда-нибудь спешат. А домом займется агент. Через несколько месяцев, возможно, сюда приедет другая семья. Они перекрасят ставни. Переставят мебель. Выбросят старый стул дедушки.

Наверное, так и должно быть. Только Яннису почему-то не хотелось об этом думать.

Телефон завибрировал в руке.

Никос.

- Да?

- Ты еще на Милосе?

- Еще да. Скоро на посадку.

- Ясно.

Никос говорил слишком осторожно. Яннис сразу это услышал.

- Что случилось?

- Почему сразу что-то случилось?

- Потому что ты звонишь мне второй раз подряд и начинаешь с вопроса, где я нахожусь.

На том конце повисла пауза.

- Никос.

- Я попросил тебя не злиться заранее.

- Ты этого еще не просил.

- Тогда прошу сейчас.

Яннис невольно улыбнулся.

- Говори.

- Костас помнишь? Из мастерской возле Пирея. У него проблемы с сайтом. После каких-то изменений перестала нормально работать почта, и часть клиентов не может отправить заявку через форму.

Яннис нахмурился.

- И что?

Никос снова замолчал. Теперь уже все стало понятно.

- Ты сказал, что я помогу.

Это был не вопрос.

- Да.

Яннис провел ладонью по лицу. Ему хотелось разозлиться. По-настоящему. Сказать наконец: «Нет. Разбирайся сам». Но вместо этого он сразу представил Костаса. Небольшая мастерская. Клиенты, которые не могут отправить заявку. Человек, который наверняка нервничает и теперь ждет, потому что Никос уже пообещал ему помощь.

- Когда ты ему это сказал?

- Утром.

- И он сейчас ждет моего звонка?

- Я сказал, что ты свяжешься, когда сможешь.

- Ты понимаешь, что я сегодня вообще-то собирался просто вернуться домой?

- Понимаю.

- Я несколько недель разбирался с домом дедушки, Никос. Я сегодня впервые за это время закрыл дверь и решил, что больше ничего не буду решать хотя бы один день.

Ему самому стало неожиданно от того, что он сказал это вслух.

Никос тоже притих.

- Я не знал, что тебе так тяжело.

- Я и сам не очень хотел это знать.

Тишина. На этот раз нормальная. Без неловкости.

- Прости, - сказал Никос. - Правда. Я не должен был обещать за тебя.

Раздражение все еще было. Но злиться на Никоса долго он никогда не умел.

- Дело даже не в Костасе.

- Я понимаю.

- Нет, не совсем. Ты просто привык, что я скажу «да».

Никос ничего не ответил.

- И я тебя к этому приучил, - добавил Яннис уже тише. - Я почти всегда говорю «да». Даже когда не хочу.

- Тогда скажи сейчас «нет».

Вот так просто. Скажи нет. Почему это всегда звучало легче, когда предлагал кто-то другой?

- Костас уже ждет.

- Я сам ему позвоню и скажу, что поторопился.

Это было именно то, чего он хотел. Но внутри уже появилось знакомое неприятное чувство. Если он ничего не сделает, Костас потеряет еще несколько часов. Если проблема простая, он мог бы хотя бы посмотреть.

Яннис тихо выругался.

- Что?

- Пусть он пришлет мне доступы и описание проблемы.

- Яннис.

- Я только посмотрю.

- Ты только что сказал, что не хочешь этим заниматься.

- Не хочу.

- Тогда зачем?

- Потому что если у него действительно не работает фор-

ма заявок, он может терять клиентов. Я хотя бы пойму, серьезная проблема или нет.

Никос вздохнул.

- Вот поэтому люди и привыкли, что ты всегда поможешь.

- Иногда мне кажется, что я сам всем показываю, что со мной так можно, - сказал он.

- Тогда начни понемногу показывать по-другому.

Яннис усмехнулся.

- Ты сегодня неожиданно мудрый.

- Я иногда умею.

- Как ты вообще? - спросил Никос.

- Не знаю.

В этот раз он не сказал привычное «нормально».

- Странно уезжать?

- Странно понимать, что в следующий раз я могу приехать сюда, а дом уже будет чужим.

- Ты еще можешь передумать.

- Я знаю.

- Дом не обязательно продавать только потому, что ты сейчас не понимаешь, что с ним делать.

Слова попали слишком точно.

- Вечером увидимся? - спросил Никос.

- Не сегодня. Хочу просто домой.

- Хорошо.

И за это короткое «хорошо», без уговоров и вопросов, Яннис был ему благодарен.

- Напиши, когда сядешь на паром.

- Напишу.

Они попрощались. Яннис убрал телефон. Еще несколько секунд он смотрел на море.

Возможно, Никос был прав. Может быть, он слишком торопился избавиться не от дома. А от всего, что чувствовал, находясь в нем.

Посмотрел на часы. Еще успевал. Он уже собирался пройти к киоску за водой, когда заметил девушку. Она сидела на корточках возле старой лодки и гладила бездомную кошку. Яннис видел эту кошку раньше. Местные постоянно оставляли для нее воду и остатки рыбы.

Девушка что-то тихо сказала ей. Кошка потерлась о ее ладонь. Яннис задержал взгляд всего на пару секунд. Светлое платье. Темные волосы, собранные в косу. Несколько прядей ветер растрепал вокруг лица. В ней было что-то спокойное. По крайней мере, в тот момент.

Тут же из-за лодок выскочил Барбос. Огромный лохматый пес Ставроса. Яннис знал его достаточно хорошо. Барбос любил еду, людей и гонять кошек. Пес увидел ту самую кошку. Замер. Она тоже его заметила. Барбос, конечно, подумал. И сорвался с места.

Кошка метнулась вдоль причала.

- Барбос! - крикнул от лодки Манолис.

Пес не остановился. Девушка вскочила. Кошка проскочила почти возле ее ног. Следом неся Барбос. Со стороны Ян-

ниса было очевидно, что собака гонится за кошкой. Но девушка этого не замечала. Она резко отшатнулась. Яннис нахмурился. Что-то было не так. Барбос еще даже не приблизился вплотную, а лицо девушки уже изменилось. Она побледнела. Плечи поднялись. Одна рука застыла возле груди.

Собака залаяла. Девушка вздрогнула всем телом. Не просто от неожиданности. Она боялась. По-настоящему. Так, как бояться не собаку, а что-то, что вызывает удушающую панику.

Кошка резко изменила направление и метнулась за ее спину. Барбос повернул следом. Теперь со стороны девушки действительно должно было казаться, что огромный пес несется прямо на нее.

Она попятилась. Еще шаг. Яннис посмотрел ей за спину. Край причала. Слишком близко.

- Эй!

Она не услышала. Он быстро пошел к ней.

- Девушка!

Она смотрела только на собаку. Яннис перешел на бег.

- Стойте!

На этот раз она повернула голову. Их взгляды встретились. Всего на мгновение. Серые огромные от страха глаза.

- Не двигайтесь! Сзади-

Она сделала еще один шаг. Пятка ушла за край. На ее лице сначала появилось непонимание. Потом она начала терять равновесие, пытаясь ухватиться за воздух. И Яннис увидел

недоумение и страх сильнее предыдущего. Она взмахнула руками и исчезла под водой с громким шлепком.

Яннис подбежал. Он все еще рассчитывал, что она сейчас вынырнет и ухватится за край. Но когда ее голова показалась над поверхностью, понял. Она совершенно не умеет плавать. Она не звала на помощь, она пыталась вдохнуть. Руки беспорядочно били по воде. Тело снова ушло вниз.

Яннис бросил телефон на скамью. Скинул обувь. И прыгнул.

Дафна

Я увидела собаку почти одновременно с тем, как она увидела кошку. Сначала я даже не поняла, что происходит. Еще секунду назад под моей ладонью была теплая кошачья шерсть. А потом раздался лай. Один короткий звук. Но внутри меня будто что-то оборвалось - так, как обрывается не от звука, а от чего-то, что стоит за ним, глубже, старше моего сознания.

Я замерла. Кошка напряглась. Еще один лай. Ближе. Я медленно повернула голову. Большая лохматая собака неслась в нашу сторону. Нет. Только не сюда. Пожалуйста. Кошка сорвалась с места первой. Проскочила мимо моих ног. Собака рванула следом. Но я этого уже почти не видела. Я видела только то, что она бежит ко мне.

В голове не стало пусто, нет. Казалось вся кровь в моих жилах в раз резко замерла, мне тяжело было вдохнуть, мое тело резко сжалось от страха и предчувствия скорой острой

боли. Слишком громкий лай делал ситуацию еще хуже, он вызвал паническую реакцию - бесконтрольные движения вон от опасности. Я знала, что нельзя бежать. Знала, что нельзя кричать. Знала, что собака, возможно, вообще не смотрит на меня. Но между тем, что я знала, и моим телом больше не было никакой связи. Сердце ударило так сильно, что я почувствовала его в горле. Пальцы похолодели. Собака приближалась. Большая морда. Раскрытая пасть. Зубы. Я не видела виляющего хвоста. Не слышала людей. Не понимала, куда исчезла кошка. Я сделала шаг назад. Потом еще один.

- Пожалуйста...

Я сама не знала, кому это говорю. Воздуха стало мало. Я пыталась вдохнуть глубже, но грудь будто перетянули ремнем. Собака залаяла еще громче. Я вздрогнула всем телом. Перед глазами начало темнеть по краям. В ушах стоял гул. Я снова отступила. Кошка метнулась куда-то за меня. Собака резко побежала на меня.

- Не надо!

Я подняла руку перед собой. Бессмысленно. Просто закрылась ею, как будто человеческая ладонь могла остановить огромную собаку. Мне казалось, что сейчас она прыгнет. Лапы ударят в грудь. Я упаду. Увижу зубы совсем близко. Где-то кто-то кричал. Я не разбирала слов. Вокруг будто больше не существовало ничего. Только она.

Я пятилась. Еще. Еще. Мне снова было не двадцать шесть. Страх не знал, сколько мне лет. Не знал, что я взрослая. Не

знал, что рядом люди. Он просто говорил одно: уходи. дальше. еще дальше.

- Стойте!

Мужской голос пробился сквозь гул. Я резко повернула голову. Увидела мужчину, бегущего ко мне. Он что-то сказал. Показал рукой. Я не поняла. Сделала еще один шаг. Под ногой не оказалось ничего. Пустота. Тело качнулось назад. Я успела почувствовать только свободное падение как во сне, в детстве, когда просыпаешься с громко стучащим сердцем.

Вода. В тот же момент я вспомнила, что не умею плавать. Море больно ударило в спину, выбив весь воздух из груди. Холод оказался таким резким, что я открыла рот. Вода тут же хлынула внутрь. Соленая. Горькая. Она обожгла нос и горло.

Я дернулась вверх. Или мне показалось, что вверх. Руки начали искать хоть что-нибудь. Край. Веревку. Камень. Чужую руку. Ничего. Ноги судорожно потянулись вниз. Я искала дно. Его не было. Еще ниже. Ничего.

И вот тогда страх собаки исчез. Потому что появился другой. Хуже. Я не могу встать. Я не умею плавать. Я начала хвататься за воду, за любую возможность выжить.. На секунду лицо оказалось над поверхностью. Воздух. Я судорожно вдохнула.

- Помо...

В рот снова попала вода. Я закашлялась. Голова ушла вниз. Нет. Нет. Нет. Я не то что не понимала, куда двигаться,

вообще не могла думать. Платье противно облепило ноги. Волосы лезли в лицо, еще сильнее мешая мне выжить лишнюю секунду.

Легкие горели. Тело требовало вдохнуть. Я снова рванулась вверх, удалось только вытащить голову на половину. Увидела причал. Он был совсем рядом. И снова ушла вниз.

Паника стала мной. Болью в груди. Судорогой в ногах. Я сейчас утону. Мысль появилась неожиданно ясно. Не «могу». Не «если не выберусь». Я сейчас утону. На Милосе. На второй день отпуска. Бабушка будет ждать меня к обеду. Она будет ждать. Я обещала вернуться. У меня телефон остался на кровати. Я даже не сказала ей...

Я пошла вниз. Вода снова попала в рот, заставляя меня закашлять прямо под водой. Вдруг что-то коснулось моей руки. Я дернулась. Чужие пальцы сжали предплечье. Я попыталась вырваться. Не потому, что хотела, просто уже ничего не понимала. Потом увидела силуэт. Человек. Меня нашли.

Я вцепилась в него. В плечи. В руку. Куда получилось. Попыталась вытянуть себя из воды и едва не потянула его вниз вместе с собой.

Он развернул меня. Обхватил поперек груди. Меня вытолкнуло вверх как поплавков. Воздух ударил в лицо обжигая соленые щеки.

- Я держу тебя!
- Не... отпускайте...
- Не отпущу.

Я вцепилась в его предплечье обеими руками.

- Пожалуйста...

- Я здесь. Я держу тебя.

Он говорил медленно. Четко.

- Ты не утонешь.

Я зажмурилась. Ты не утону. Впервые слова пробились через страх. Я вдохнула, закашлялась и снова вдохнула.

- Просто держись. Больше ничего не делай.

Я послушалась, потому что больше не могла ничего. Когда под ногами вдруг появился камень, я не поверила. Опустила ступни сильнее. Твердое. Опора. У меня вырвался вскрик.

Меня вытащили на причал. Я упала на колени, камень ободрал кожу, но боли почти не было. Кашель согнул меня пополам. Хватала воздух слишком быстро и никак не могла им насытиться. Руки дрожали. Потом плечи. Потом, кажется, все тело. Перед глазами снова и снова повторялся один момент. Пустота. Холод. Вода над головой. Я сейчас утону.

- Посмотри на меня.

Я слышала голос. Но смотрела на море. Маленькие волны тихо ударялись о причал. Совершенно обычные. И от одного их звука меня снова затошнило от страха.

- Эй. Посмотри на меня.

Я подняла глаза. Передо мной сидел мужчина. Темные мокрые волосы упали на лоб. Футболка прилипла к плечам. С короткой бороды стекала вода. Он тоже тяжело дышал. Но говорил спокойно.

- Ты меня слышишь?

Я кивнула.

- Хорошо. Попробуй дышать медленнее.

- Не могу.

- Не глубже. Просто медленнее.

Я попыталась. Вдох. Выдох. Еще раз.

- Я думала...

Голос сорвался. Я замолчала. Я думала, что умру. Произнести это вслух оказалось невозможно. Он не говорил, что ничего страшного не произошло. Не просил успокоиться. Просто сидел рядом.

- Ты на берегу, - сказал он спустя несколько секунд. - Все закончилось.

Я кивнула. И почти поверила. Пока не увидела собаку. Она была уже на поводке, в нескольких метрах от нас. Тело отреагировало мгновенно. Я отшатнулась. Воздух снова застрял в груди. Мужчина проследил за моим взглядом. Он поднялся. Не сказал, что собака добрая. Не сказал, что я зря боюсь. Просто подошел к хозяину. Через несколько секунд ее увели. Мужчина вернулся, но остановился чуть дальше.

- Ее больше здесь нет.

- Спасибо.

Только теперь я посмотрела на себя. Мокрое платье прилипло к телу, к животу, к бедрам, к груди. Я машинально оттянула ткань.

Стыд пришел резко. Человек, которого я видела впервые,

только что видел меня совершенно беспомощной. Как я захлебывалась. Как цеплялась за него. Как просила не отпускать. Как плакала. Я провела ладонью по лицу.

Мне хотелось домой.

Я попыталась подняться. Колени дрогнули. Мужчина протянул руку. Но не схватил меня. Просто оставил ладонь между нами. Я посмотрела на нее. И взялась.

- Спасибо.

Он помог мне встать.

- Не за что.

- Нет. Правда.

Я заставила себя посмотреть ему в глаза.

- Если бы вы не были здесь...

Горло снова сжалось. Я не договорила, а он все понял.

- Лучше сейчас об этом не думай.

Я кивнула.

На камнях лежала моя сумка. Кто-то успел отодвинуть ее подальше от края. Покупки, к счастью, не отправились в море вместе со мной. Я подняла ее. Хотела уйти. Но остановилась.

- Я даже не спросила, как вас зовут.

- Яннис.

Имя показалось знакомым. Не сам человек. Просто имя.

- Дафна.

- Очень приятно, Дафна.

Я посмотрела на него. Потом на мокрую одежду.

- Наверное, это не лучший момент для «очень приятно».
На его лице впервые появилась улыбка. Небольшая.

- Бывали знакомства и хуже.

Я тоже попыталась улыбнуться. Получилось плохо, но хотя бы получилось. Где-то со стороны большого причала раздался протяжный гудок. Яннис резко повернул голову. Я проследила за его взглядом. От берега отходил паром. Несколько секунд он молча смотрел на него. Потом выдохнул.

- Вы опоздали?

Яннис посмотрел на меня.

- Похоже на то.

Внутри все снова сжалось.

- Из-за меня.

- Из-за очень насыщенного утра.

- Но если бы я не упала...

- Это просто паром.

- Вы куда-то ехали.

- В Афины.

- И теперь...

- Теперь просто поеду позже.

Он говорил так, будто это действительно ничего не значило. Но мне от этого легче не стало.

- Простите.

- Не извиняйтесь за то, какое решение я принял сам.

Я замолчала. Эта фраза почему-то осталась со мной. Не

«пришлось». Не «из-за вас». Я принял сам.

- Вам лучше домой, - сказал Яннис. - И желательно не одной.

- Я недалеко.

- Все равно.

Он посмотрел на мои все еще дрожащие руки.

- Хотя бы посидите еще немного, прежде чем идти.

Я хотела возразить. Но сил не было. Поэтому снова села. Яннис остался рядом. Не слишком близко, не пытался разговаривать, просто сидел. А я смотрела куда угодно, только не на море. Через несколько минут дрожь стала слабее. Я поднялась. На этот раз сама.

- Спасибо, Яннис.

Он кивнул.

- Берегите себя, Дафна.

Я пошла прочь, мокрая. С соленой водой в обуви. С красными от слез и соли глазами. И с очень сильным желанием никогда больше не встретить человека, который видел меня в таком состоянии.

Я еще не знала, насколько плохо Милос умеет исполнять такие желания.

5 Августа

Пятое августа всегда было дедушкиным днем. Раньше эта дата начиналась шумно. Он просыпался раньше всех, хотя каждый год делал вид, будто совершенно забыл о собственном дне рождения. Бабушка сердито прогоняла его с кухни, потому что он обязательно пытался заглянуть под полотенце, узнать, что она готовит, и тайно сцапать первый кусочек еще до того, как все появится на столе.

К обеду приходили родные и близкие друзья. Кто-то приносил вино, кто-то - сладости, хотя бабушка каждый раз повторяла, что еды и так хватит на половину острова. Дедушка сидел во главе стола, смеялся громче остальных и всякий раз заявлял, что никаких подарков ему не нужно. А потом с детским восторгом в глазах разворачивал каждый сверток.

К своему стыду, я вспоминаю о дате не сразу. Только спустившись вниз и увидев на кухонном столе фотографию дедушки. Обычно она стоит в гостиной на маленькой полке у окна. Сегодня бабушка перенесла ее сюда. Рядом поставила его чашку. Ту самую, темно-синюю, с маленьким сколом на ручке.

Я останавливаюсь в дверях.

На фотографии дедушка еще молодой и здоровый - по крайней мере, таким он кажется мне сейчас. Загорелый, прищуренный от солнца, с той широкой улыбкой, которая все-

гда рождалась раньше, чем он успевал рассмеяться.

Бабушка замечает, что я смотрю на портрет, но ничего не говорит. Тихо продолжает что-то раскладывать, хотя по тому, как медленно двигаются ее руки, я понимаю: она думает совсем не об этом. Я подхожу ближе и осторожно кладу руку ей на плечо - словно она сейчас хрупкая, как тонкое стекло.

- Ты достала его любимую чашку.

Голос выходит тише, чем я рассчитывала. Бабушка не оборачивается сразу. Несколько секунд просто стоит, будто мои слова застали ее где-то далеко отсюда, а потом проводит пальцем по маленькому сколу на ручке.

Я знаю этот скол. Он появился из-за меня. Мне тогда было лет восемь, и я вдруг решила, что достаточно взрослая, чтобы помогать бабушке мыть посуду. Эта чашка казалась мне огромной и тяжелой. Я держала ее обеими руками, старательно водила губкой по темно-синим бокам и страшно гордилась собой - ровно до того момента, пока она не выскользнула из моих скользких мыльных пальцев.

Резкий удар о дно раковины. Куча брызг, короткий звон и маленький синий осколок рядом со сливом. Помню, как замерла, глядя на него, и тут же разревелась так, словно разбила не чашку, а что-то живое. Я ведь знала, как дедушка ею дорожил.

В тот вечер меня долго не могли успокоить. Я все повторяла, что испортила мамин подарок и дедушка теперь никогда меня не простит. Мама подарила ее на день рождения,

когда сама была еще ребенком - несколько месяцев откладывала карманные деньги. После маминой смерти чашка стала для дедушки чем-то большим, чем просто старой вещью. Он пил из нее кофе каждое утро. Бабушка не раз предлагала купить новую - целую, без скола, - но он только отмахивался. Говорил, что из другой кофе уже не тот. Тогда я думала, что он шутит. Теперь понимаю: дело никогда не было в кофе. Ему просто было важно каждое утро брать в руки вещь, которую когда-то выбрала для него его маленькая дочь. То, к чему она прикасалась. То, что осталось прежним, когда ее самой уже не стало.

А за последний год чашка словно вобрала в себя еще одну дорогую для нас жизнь. Теперь, глядя на нее, я думала не только о маме: я видела дедушкины руки, обхватившие ее за столом. Вспоминала, как он пил кофе маленькими глотками, как оставлял ее возле тарелки, как машинально проводил большим пальцем по тому самому сколу, из-за которого я когда-то проплакала весь вечер.

Мама подарила ее дедушке, а я оставила на ней след своего детства. А теперь их обоих нет. Осталась только чашка. Обычная темно-синяя со сколом на ручке, которую никто из нас уже никогда не назовет просто посудой. Со временем она собрала в себе понемногу от каждого из нас: мамино детство, дедушкины привычки, мою детскую вину, бабушкину заботу. Я понимаю, почему она стоит сегодня рядом с его фотографией. Это одна из тех вещей, которые в нашей семье

больше никто не решится разбить.

- Достала, - тихо произносит бабушка после затянувшегося молчания. - Не смогла сегодня оставить ее в шкафу. Открыла дверцу - а рука сама потянулась.

Я накрываю ее ладонь своей и сажусь рядом. Несколько секунд мы просто смотрим на фотографию. Наше молчание не тяжелое - оно нужное, исцеляющее.

- Мы не будем грустить в этот день, - мягко говорю я. - Он всегда был веселым и хотел бы, чтобы мы вспоминали о нем с улыбкой.

Одинокая слеза скатывается по ее щеке и падает на тыльную сторону ладони. Бабушка опускает взгляд на свои руки, будто впервые их замечает. На секунду ее лицо меняется - словно с него снимают маску, которую она носила все эти месяцы, - и я вижу, какая она на самом деле уставшая. Потом она медленно кивает, хоть в глазах все еще блещут слезы:

- Хорошо. Ты права. Нам стоит вспомнить что-то хорошее.

Я придвигаю стул ближе и обнимаю ее за плечи, улыбаясь сквозь подступающие слезы. Она улыбается в ответ - по-настоящему, тепло, и на миг кажется, что дышать становится легче нам обоим.

- Сколько бы ему сегодня исполнилось, ба?

- Шестьдесят пять, - отвечает она сразу, без малейшей заминки. Цифра вписана в нее где-то рядом с сердцем. - И он все равно всем говорил бы, что ему пятьдесят девять. Ни го-

дом больше, так и знай!

Я смеюсь - впервые за все утро по-настоящему, от души.

- Такой уж он был.

Она смеется вместе со мной, и от ее смеха у меня внутри становится физически легче, словно что-то долго сжатое наконец отпускает.

- Я так рада, что приехала именно сейчас, - шепчу я. - Что мы вот так сидим. И вспоминаем его вместе, а не порознь.

Бабушка кивает и встает, вытирая глаза краешком передника - привычным, отработанным движением.

Я уже собираюсь налить кофе, когда с улицы доносится мужской голос:

- Калимера!

Бабушка оборачивается к окну:

- Кто это еще с утра пораньше?

Она идет во двор, на ходу поправляя передник. Я беру фотографию дедушки и еще раз всматриваюсь в его лицо - в этот прищур, в улыбку, которая вот-вот расплывется шире. Почти улыбаюсь ему в ответ.

Из двора снова доносится голос. Сначала я не прислушиваюсь: на Милосе к бабушке постоянно кто-нибудь заходит - вернуть банку, попросить соленой рыбы, передать новость, которая через полчаса и так станет известна всей улице.

Я продолжаю расставлять сладости на столе, когда вдруг четко слышу свое имя:

-...Дафна... мне жаль...

Я замираю, вся напрягшись. Мужчина говорит быстро, через окно не все удастся разобрать. А потом отчетливо, громче:

-...вчера...

И еще через секунду:

-...собака...

Живот неприятно сжимается, будто внутри все ухает вниз. Нет. Только не это. Я медленно ставлю тарелку, стараюсь, чтобы она не звякнула. Через минуту калитка хлопает. Шаги бабушки приближаются к дому - не такие, как обычно, чуть быстрее и тяжелее. По тому, как она переступает порог кухни, я сразу понимаю: случилось то, чего я боялась.

- Дафна.

Всего одно слово. Но сказано так, что расшифровывать не нужно.

- Что? - спрашиваю я, хотя прекрасно все понимаю. Просто тяну время.

Бабушка смотрит на меня - долго, изучающе.

- Это был Манолис.

Я не сразу делаю вид, что вспомнила имя.

- Рыбак, - добавляет она, не сводя с меня глаз. - Тот, у которого большая светлая собака.

Внутри все сжимается еще сильнее. Я отвожу взгляд, будто на столе обнаружилось что-то невероятно интересное.

- А-а - Очень убедительно, Дафна. Просто блестяще.

- Он пришел извиниться, - говорит бабушка, все так же не

отводя взгляд.

Я медленно перевожу на нее взгляд.

- За что?

Бабушка прищуривается - этот прищур я знаю с детства, он никогда не предвещает ничего хорошего.

- Ты правда хочешь, чтобы я пересказала то, что ты и сама прекрасно знаешь?

Я молчу. Ответить нечего.

- Он сказал, что вчера собака сорвалась с поводка - после того, как просигналила машина. Побежала прямо к тебе. Ты испугалась, отступила и упала с причала.

Каждое слово возвращает вчерашний день по частям - по кускам, которые я так старательно прятала в дальний ящик.

Я смотрю на свои руки. Перед глазами вспыхивает уходящий свет и оглушающая толща воды. Вчерашняя дорога домой занимает в памяти всего несколько секунд, хотя тогда казалось, что я шла целую вечность. Мокрое платье липло к ногам. С волос капало на плечи. Сандалии хлюпали при каждом шаге. Люди оборачивались - не все, но достаточно, чтобы мне хотелось провалиться сквозь землю. Я смотрела в пыль и шла быстрее, мечтая только об одном - добраться до дома раньше, чем кто-нибудь успеет спросить. Мечтала не встретить бабушку. Мне повезло: она была в саду, и я проскользнула наверх незамеченной.

Сняла тяжелое платье, упавшее комком на пол в ванной. Вытерла волосы. Несколько минут просто сидела на краю

кровати и смотрела в точку на стене. И все равно видела Янниса. Его руку.

То, как он говорил - коротко, уверенно: «*Посмотри на меня*». То, как я держалась за него, пока ноги снова не обрели опору. А потом - совершенно нелепое воспоминание, застрявшее в памяти прочнее остальных: прилипшая к животу ткань. Я пытаюсь оттянуть ее дрожащими пальцами, а Яннис, заметив это, демонстративно отворачивается - слишком быстро, чтобы это было случайностью.

Вот почему вчера, когда я наконец спустилась вниз, бабушке досталась лишь одна короткая фраза, произнесенная максимально будничным тоном: «*Душ принимала*».

- Почему ты мне ничего не сказала? - спрашивает бабушка. Голос у нее слишком ровный. В нем нет злости, и от этого только хуже. Если бы она кричала, было бы легче.

- Не хотела тебя пугать, - говорю я и сразу слышу, как глупо это звучит.

- Не хотела меня... - Бабушка не договаривает, отворачивается к окну, будто там есть что-то важное. Потом снова переводит взгляд на меня. - А сейчас, по-твоему, я не напугана? Дафна, у меня руки трясутся!

Я смотрю - и правда трясутся.

- Сейчас ты хотя бы видишь, что я жива.

Бабушка резко выдыхает - почти со звонким всхлипом:

- Дафна! Не говори со мной так, будто это мелочь. Не смей.

- Я не говорю, что это мелочь.

- Ты именно так и говоришь! Всем своим видом!

- Потому что все уже закончилось, ба! Я здесь, я цела...

Я замолкаю. Бабушка только что услышала это впервые.

Она проживает то, что я пережила вчера - но без форы, без времени привыкнуть. Она подходит ближе и садится на соседний стул, будто ноги перестали держать.

- Он сказал, что Яннис прыгнул за тобой. Вытащил тебя.

Вот оно. Его имя - в который раз я его прокручиваю в своей голове. Снова.

Я киваю, чувствуя, как к горлу подкатывает тяжелый ком.

- Да. Вытащил.

Бабушка придвигается ближе. Не напротив - без допроса. Просто плечом к плечу. По моей щеке скатывается слеза. Бабушка смотрит на меня долгим взглядом, в котором злость растворилась, уступив место усталости и нежности.

- Вся в своего деда. Вот кто никогда ни в чем не признавался, пока его не прижмешь фактами к стенке.

От упоминания дедушки атмосфера становится мягче - будто он сам сидит рядом и качает головой на нас обеих, но только на секунду.

- Ты сильно испугалась? - серьезно спрашивает она.

Первое желание - соврать. На автомате сказать: «Нет, нормально все». Но мы слишком много говорили о том, что не все должно быть «нормально».

- Да, - говорю я тихо. - Очень испугалась, ба.

Ее ладонь ложится мне на спину - теплая, тяжелая, надежная.

- Я думала, что не выберусь, - шепчу я, и слова звучат совсем не так аккуратно, как я репетировала ночью. А ровно так, как ощущалось там, в воде, когда легкие горели, а берег казался бесконечно далеким. - На несколько секунд я подумала, что это все. Конец.

Голос обрывается. Бабушка резко вытягивает воздух, будто от удара.

- Ба...

- Я ничего... ничего, - она поворачивается ко мне всем телом. - Мне только что рассказали, что моя девочка вчера могла...

Она не договаривает, и от этой паузы становится совсем невыносимо. Я прижимаюсь к ней, кладу голову ей на плечо, подсознательно ища защиты. Она обнимает меня крепче. Несколько секунд мы сидим молча, слушая дыхание друг друга.

- Только больше так со мной не делай, слышишь? - тихо, но твердо говорит она.

- Не падать в море?

- Не скрывай от меня. Я серьезно, Дафна.

- Хорошо, ба.

Она отстраняется, всматриваясь в мои глаза:

- Тебе двадцать шесть лет. Я понимаю, что ты не обязана отчитываться за каждый шаг. Но если тебе плохо или страшно,

но... Не решай за меня, что мне лучше не знать. Договорились?

- Договорились.

- Даже если тебе будет сорок шесть.

- А если шестьдесят шесть?

- Тогда у нас с тобой, дорогая моя, будут уже совсем другие проблемы, поверь мне.

Я смеюсь - уже легче, свободнее. Она тоже. Бабушка проводит ладонью по моим волосам.

- Знаешь, - говорит она, - сегодня я не хочу, чтобы мы весь день грустили. Хватит с нас на сегодня.

- Я тоже не хочу, это кажется неправильным.

- Тогда сделаем нормальный обед. Настоящий. Позовем Янниса.

Я медленно поворачиваю голову, не веря ушам:

- Что?

- Что слышала.

- Нет, ба.

- Почему нет? Он вчера спас мою внучку. Вот почему.

- Я уже поблагодарила его вчера. Лично.

- А я - еще нет. Это важно для меня.

Я прикрываю глаза:

- Пожалуйста, только не сегодня.

- И потом, - она кивает на фотографию, - сегодня же день рождения дедушки. Нужно всегда отвечать добром на добро. Молодой человек спас тебя, я ночью сомкнуть глаз не смогу,

если не отблагодарю его. Ты же помнишь, как дедушка любил, когда за столом собирались люди?

Я смотрю на портрет. На его довольное, лукавое лицо. Спорить дальше бессмысленно.

- Думаешь, он бы тебя поддержал?

- Еще как! Аплодировал бы стоя.

Дедушка действительно любил гостей больше всего на свете. Человека, который вытащил меня из моря, он притащил бы домой сам и обиделся бы, если бы тот отказался.

- Хорошо. Один обед.

Бабушка мгновенно оживляется. Дедушка и правда хотел бы, чтобы за столом шумели, спорили о ерунде и смеялись громко, как он сам. Чтобы еда заканчивалась быстрее, чем рассчитывали. И чтобы новый человек получил тарелку - пусть даже этот человек Яннис.

Тот самый Яннис, которого еще позавчера я толком не знала. Который теперь знает, как звучит мой крик, когда мне по-настоящему страшно. Который видел меня плачущей, дрожащей и насквозь мокрой. И который оказался достаточно тактичным, чтобы отвернуться, когда я пыталась отлепить мокрое платье от тела. Я закрываю глаза. Прекрасно. Дедушкин день рождения, семейный обед - и Яннис напротив меня за одним столом.

Похоже, сегодня мне понадобится гораздо больше самобладания, чем я рассчитывала с утра.

5 Августа. Ужин

Дафна

После нашего разговора утро плавно перетекло в кухонные хлопоты.

На кухне воцарился тот особый, суматошный порядок, который всегда сопровождал семейные праздники. Готовили молча, но это молчание больше не давило. Бабушка заправляла свежую рыбу лимонным соком и крупной морской солью, ее пальцы действовали ловко, привычно. На мою долю досталась чистка молодого картофеля под звуки постепенно разгорающегося за окном знойного греческого дня.

В какой-то момент пришла мысль, что этот день ощущается совсем иначе, чем ждала. Год назад, когда дедушки не стало, казалось, что пятого августа время на этом острове навсегда остановится. Но сейчас, глядя на темнеющие за окном оливковые деревья и на то, как бабушка с любовью достает из шкафа лучшую салатницу, пришло понимание: жизнь не остановилась. Дедушки не было рядом физически, но он присутствовал в каждом уголке этой кухни - в запахе запеченной рыбы, в старой фотографии и в синей чашке со сколом.

Около шести вечера бабушка высунулась за калитку, увидела соседского мальчишку на велосипеде и попросила его сбежать к дому Янниса. Минут через десять мальчишка примчался обратно и крикнул, что передал приглашение и Яннис с радостью согласился прийти.

В семь вечера у калитки раздался тихий, вежливый стук. Руки с салатницей на мгновение замерли. Бабушка вылетела во двор встречать гостя, оставшаяся часть вечера обещала быть непростой. Яннис вошел во двор - в простой светлой рубашке с засученными рукавами, открытый, с мягкой улыбкой.

До вчерашнего дня видеть его приходилось лишь мельком, издали. Никаких разговоров, даже банальных приветствий раньше не было. И от этого его присутствие здесь, в нашем доме, казалось еще более непривычным.

- Калиспера, - произнес он, передавая бабушке небольшой сверток со свежими сладостями. - Спасибо за приглашение. Это честь для меня.

- Ох, Яннис, ну зачем же ты потратился! - всплеснула руками бабушка, но приняла подарок с радостью. - Заходи скорей, все уже на столе.

Яннис чуть повернул голову и на секунду встретился со мной взглядом через открытое окно. В его глазах промелькнуло понимание - он поздоровался легким, почти незаметным кивком, будто давая понять, что не собирается заставлять меня чувствовать себя неловко.

За столом гость вел себя невероятно учтиво и чутко. Он внимательно слушал бабушкины воспоминания о дедушке, задавал точные вопросы и сам делился тем, что помнил. Слушая их, с удивлением удалось узнать, что Яннис тоже помнил дедушку Манолиса - еще тем, прошлым, статным мужчиной, который всегда с улыбкой делился уловом с деревенскими мальчишками.

Когда с основным блюдом было кончено, а бабушка отлучилась в дом за десертом, над столом повисла тишина. Посуда чуть позвякивала от вечернего морского бриза.

- Как твоя нога, Дафна? - тихо и очень бережно спросил Яннис, нарушая молчание.

- В порядке, - пальцы в сандалиях непроизвольно поджались. - Почти не болит. Спасибо.

Он чуть наклонил голову, смотря с искренней теплотой.

- Ты знаешь... не хочу лезть не в свое дело, но вчера, когда все произошло... сложно было не заметить, с какой паникой ты погружалась в воду. Это ведь был не просто испуг от собаки, верно? Ты не умеешь плавать?

В его голосе не звучало ни капли превосходства - только чистое сочувствие. Но стыд все равно обожег щеки. Взгляд пришлось увести на темно-синюю дедушкину чашку, все еще стоявшую на краю стола.

- Не умею - тихий ответ дался с трудом.

Яннис слегка придвинулся ближе, его голос звучал мягко:

- В этом нет ничего такого, правда. Но если захочешь, я

могу помочь. Мы могли бы попробовать в тихой, мелководной бухте - там песок, воды едва по колено, и абсолютно нет волн. Потихоньку, без любой спешки. Просто чтобы ты почувствовала, что вода может быть безопасной.

Предложение было сделано с такой добротой, что на мгновение возникло искушение согласиться, но память об оглушающей толще воды над головой вспыхнула слишком ярко. Паника все еще жила где-то под ребрами. И была другая причина - ведь мы оставались чужими людьми, а отъезд запланирован через две недели. Впускать его глубже, позволять учить, видеть чужой страх - значило пускать корни там, где суждено задержаться лишь ненадолго.

- Нет, Яннис. Не нужно, - ответ прозвучал максимально мягко, но твердо. - Правда, спасибо огромное за заботу, но не стоит.

Яннис всматривался в мое лицо еще пару секунд, а потом понимающе кивнул, не став давить.

- Хорошо. Если вдруг передумаешь - только скажи, - тепло улыбнулся он. - Главное, чтобы ты чувствовала себя в безопасности.

В этот момент из дома вернулась бабушка с подносом.

Позже, когда гость попрощался и ушел, а посуда была вымыта, удалось уйти на веранду с книгой.

Уже окончательно стемнело. Греческая ночь накрыла остров плотным бархатом, высыпав над морем миллиарды мелких ярких звезд. Удалось удобнее устроиться в кресле, под-

жав ноги и укрывшись легким пледом. Книга оказалась неожиданно эмоциональной, и в какой-то момент строки расплылись от слез. Смахнув их, пришлось поднять глаза от страницы.

В темноте ночного моря внимание привлекло кое-что необычное. Далеко от берега медленно двигался одинокий огонек. Небольшая лодка уверенно пересекала лунную дорожку, а у мотора угадывался знакомый силуэт. Широкие плечи, уверенные движения.

Яннис. Лодка уходила в море в полной темноте. Куда это он в такой час? Зачем? На мгновение внутри вспыхнуло жгучее любопытство. Но пришлось заставить себя вернуться к чтению.

Это не твое дело, Дафна, - напомнил внутренний голос.
- Вы почти не знакомы.

Яннис

Когда соседский мальчишка прибежал к дому бабушки и передал, что бабушка Калимера зовет на ужин в честь дня памяти Манолиса, возникла пауза. До вчерашнего дня знакомства с ее внучкой не было вовсе. Приезжая на Милос лишь время от времени к деду, пару раз удавалось заметить в деревне новое лицо, но даже до обычного «здравствуйте» дело не доходило. Согласиться на приглашение - означало проявить уважение к старой Калимере и памяти ее мужа, но

легко было представить, как неловко перед абсолютно чужим человеком чувствует себя Дафна. Вчерашний день обнажил ее слишком сильно.

И все же отказаться было бы очень грубо.

Вчера, во время броска в воду за тонущей девушкой, поразила не столько сама случайность - собака, обрыв, падение. В память въелись ее глаза в ту первую секунду погружения. Это была не просто растерянность человека, потерявшего равновесие. Это был первобытный, сковывающий ужас. Ужас дикой птицы, оказавшейся в глухом мешке.

Несмотря на то, что жить на Милосе постоянно не приходилось, море всегда оставалось родной стихией - дед учил чувствовать воду с самого детства. Море казалось живым организмом, дыханием, с которым всегда можно договориться. Но когда незнакомая девушка цеплялась за мокрую рубашку на причале, стало отчетливо видно: море для нее враждебно.

За столом я старался быть максимально деликатным, давая ей время привыкнуть к чужому присутствию. Было видно, как она прячет руки, как вспыхивают щеки при любом воспоминании о вчерашнем. Обоим сидеть за одним столом казалось непривычным - еще позавчера они с Дафной были друг другу никем. Но больше всего зацепил взгляд, которым она смотрела на темно-синюю чашку со сколом. В нем читалась та же скрытая боль, что и во взгляде когда я вытащил ее из моря.

Пока бабушка Калимера отлучилась, представился случай

спросить. Не из любопытства. Просто этот страх в ее глазах не давал покоя. Хотелось предложить не банальные «уроки плавания». Хотелось показать этой девчонке, что вода - не враг, что она способна держать, если ей довериться. В тихой бухте, где глубоко только по колено, без шума и волн, можно было бы сделать первый шаг. Научить не бояться.

Ее «нет» прозвучало резко, защитно, с едва заметной дрожью. Между двумя практически незнакомыми людьми снова выросла невидимая стена. За этим отказом стоял не только страх перед глубиной - там угадывалось явное желание закрыться, уберечь себя, не впускать чужака в свой мир. Настаивать было нельзя. Давить на человека, едва пришедшего в себя от пережитого ужаса - последнее дело.

Простившись и еще раз поблагодарив хозяйку дома за ужин, ноги сами повели меня вниз, к пристани.

Островными вечерами, когда деревенский шум утихает, требуется место, где можно сбросить с себя чужие разговоры, тяжесть дня и мысли, застревающие в голове. Для этой цели всегда подходила дедушкина лодка.

Руки привычно отвязали канат, завели небольшой мотор, который тихо и ровно заурчал в ночной тишине, направляя лодку прочь от пристани. Мотор слегка вибрировал в ладони, а прохладные брызги воды на лице действовали трезвяще. На малом ходу лодка выходила за пределы освещенной гавани, туда, где черная гладь сливается со звездным небом.

Там, в километре от берега, море становится совсем дру-

гим. Оно перестает быть курортным пейзажем для туристов и превращается в бездну, где остается только мотор и холодный ночной ветер. Здесь не нужно притворяться и отвечать на вежливые вопросы.

Мотор заглох. Лодка качнулась на мягкой волне и замерла. Вокруг воцарилась оглушительная тишина, нарушаемая лишь тихим всплеском воды о борт.

Взгляд обратился к берегу. Вдали, на холме, белел дом Манолиса и бабушки Калимеры. На веранде горел маленький одинокий огонек. Дафна наверняка все еще там. Смотрит ли сейчас в темноту? Заметила ли огонек моей лодки?

Пальцы достали из кармана сигарету, щелкнула зажигалка. Глубокая затяжка подарила минуту покоя под светом далекого окна. У нее свои штормы внутри, у меня - свои. Но здесь, посреди ночной тишины, почему-то очень хотелось, чтобы однажды эта незнакомая девушка с грустными глазами перестала бояться воды.

6 Августа

Утреннее солнце еще только цеплялось за верхушки оливковых деревьев, а на кухне уже пахло свежей выпечкой и крепким греческим кофе. Утро началось с привычных, успокаивающих хлопот: мы с бабушкой перебирали сушеную мяту, аккуратно складывая душистые стебли в стеклянные банки, и протирали пыль на старых резных полках в гостиной. Простые движения на время заглушали тревоги, отвлекая от мыслей о вчерашнем вечере, Яннисе и его лодке, ушедшей в темноту.

Около одиннадцати, когда бабушка ушла в сад полить помидоры, телефон на столе коротко и требовательно завибрировал. Экран подсветил сразу несколько уведомлений из рабочего чата. Внутри все моментально сжалось. В приложении ждало плотно ядовитого текста от ключевой клиентки. Она не стала обращаться к коллегам, подменявшим меня на время отпуска, а решила вылить накопившуюся желчь напрямую.

Каждая строчка буквально брызгала хамством и нескрываемым презрением: *«Вы вообще головой думаете, когда сдаете такие материалы?! Это не просто непрофессионализм, это абсолютная профнепригодность! Вы сорвали нам все сроки по проекту! Я не намерена платить за этот бред и вашу халатность. Если через час не будет правок, мы*

разрываем контракт с отзывами, а лично на вас я составляю жалобу руководству с требованием возместить наши убытки из вашей зарплаты!»

В груди встал привычный тяжелый ком. Дыхание перехватило, к горлу подступила тошнота. Пальцы задрожали, судорожно листая переписку вверх в поисках ошибки. Перечитывая эти строки снова и снова, мои мысли привычно побежали по заученному, мучительному кругу: *«Где я недосмотрела? Почему не предусмотрела все заранее? Наверное, правду пишут - я просто не справляюсь»*.

Официальный отпуск начался пару дней назад, но работа так и не выпустила меня из своих тисков. Выгорание подбиралось последние полтора года, медленно выпивая силы, пока не превратилось в постоянный фоновый шум. В последние месяцы оно проявилось и в теле: бессонница, дергающийся глаз, литры кофе по утрам и полная апатия. Коллеги по отделу давно научились защищаться - они сухо закрывали тикеты, отправляли клиентам формальные отписки и со спокойной душой уходили на обед, забывая о чужом негативе через пять минут.

Я так и не научилась этому. Каждое резкое слово, каждый упрек или хамский комментарий проникал глубоко под кожу, прогоняя сон и заставляя ночами перебирать варианты «идеальных ответов». Любая чужая агрессия воспринималась мной как личный провал.

При этом просто написать заявление и уйти в никуда ка-

залось опасной роскошью. Опоры за спиной не было. Родители ушли слишком рано, не успев оставить ни подушки безопасности, ни чувства, что есть дом, куда можно вернуться в беде. Всю взрослую жизнь мне приходилось рассчитывать только на себя. Никто не прикроет, никто не оплатит съемную квартиру и не пришлет денег на жизнь. Стабильная работа давала главное - иллюзию безопасности. А безопасность была дороже ментального здоровья.

Пальцы уже на автомате начали печатать длинный оправдательный ответ, когда из коридора раздался голос бабушки: - Дафна? Что-то случилось?

Она вошла в дом с пучком свежего базилика и замерла, глядя на то, как я сжалась над телефоном. Я быстро заблокировала экран, перевернула его дисплеем вниз и постаралась смахнуть с лица оцепенение.

- Нет-нет, все хорошо. Просто... немного устала, да и жарко очень.

Бабушка внимательно всматривалась в мое бледное лицо, но расспрашивать не стала - лишь сочувственно погладила по плечу сухой, теплой ладонью. Чтобы не заставлять ее волноваться, во мне вспыхнуло резкое желание сбежать.

- Я съезжу покататься на велосипеде, ладно? Хочу немного проветриться.

Старенький дедушкин велосипед ждал в сарае. Выведя его на пыльную дорогу, я нажала на педали, уезжая прочь от дома, от деревни и от телефона, ловящего сеть в кармане.

Ветер с моря мягко обдувал горящие щеки, смешивая запах сухой травы, нагретой земли и соленой воды. Велосипед катил по извилистой грунтовке вдоль холмов, за которыми открывалась бескрайняя синева Эгейского моря. С каждым поворотом городские проблемы, токсичные чаты и ядовитые сообщения из другой жизни казались все более нелепыми и чужими.

Дорога плавно сбегала вниз и вывела меня к той самой полупустой пристани. Совсем рядом располагался тихий парк - пару старых сосен, раскидистые олеандры и несколько деревянных скамеек у воды. Оставив велосипед у ствола дерева, я присела на скамейку, чтобы просто посмотреть на заходящее солнце, медленно тонувшее в море.

Спустя пару минут из-за кустов тихо выскользнула трехцветная кошка. Она на мгновение замерла, поводя ушами, а затем без тени страха подошла ближе и мягко потерлась о мою сандалию.

Присмотревшись, я почувствовала, как сердце едва заметно сжалось. Это была та самая кошка. Та, которую я гладила здесь, у пристани, за пару минут до того, как лохматая собака заставила меня потерять равновесие и рухнуть в воду. Моя рука сама потянулась к мягкой шерсти. Кошка сразу замурчала, отдаваясь ласке с какой-то доверчивой нежностью - словно действительно узнала меня.

- Ну привет, - тихо прошептала я, слегка почесывая ее за ухом. - Нашлась...

Кошка подставила под пальцы подбородок, глядя на меня умными желтыми глазами. Глядя на эту одинокую мурлыку, которая была последним спокойным воспоминанием перед пережитым ужасом, я почувствовала неожиданное тепло. Захотелось обнять ее, укрыть, забрать с собой в дом - сделать так, чтобы у этого маленького создания появился свой угол. В голове мельком пронеслась мысль: а что, если забрать ее с собой?

Пока мои пальцы гладили шерсть, взгляд случайно соскользнул в сторону причала.

Там, у деревянных подмостков, стоял Яннис. Он проверял снаряжение, укладывал какие-то вещи и молча готовил свою лодку к выходу в море. В груди снова вспыхнуло любопытство: куда он направляется в такой час? Вчера поздно вечером с веранды я уже видела, как его лодка уходила в темноту. Что он ищет там, в ночном море? Подойти и спросить прямо казалось неловким.

Но Яннис, подняв голову, сам заметил меня. Встретившись со мной взглядом, он тепло улыбнулся, приветливо махнул рукой и, отложив канат, направился к парку.

- Калиспера, Дафна, - мягко поздоровался он, присаживаясь на корточки рядом со скамейкой. - Вижу, ты снова встретила свою знакомую?

- Привет, - я чуть улыбнулась в ответ. - Да вот, подсела ко мне. Думаю, не потерялась ли? Я даже подумывала... забрать ее себе.

Яннис посмотрел на кошку и качнул головой:

- О, она совершенно точно ничья. Уже больше года крутится тут возле пристани и в районе таверны Костаса. Все местные и моряки ее подкармливают уловом, так что живет на улице довольно давно.

Я пролистала пальцами шерсть за ее ухом:

- Значит, у нее совсем нет дома...

- Нет, - подтвердил Яннис. - Так что если решишь забрать, никто точно возражать не станет.

Не успела я ответить, как в кармане Янниса громко зазвонил телефон. Он достал его, взглянул на экран и нажал на прием.

- Да, Никос.

Разговор был коротким. Яннис лишь изредка поддакивал, а в конце с легким вздохом произнес: «Ладно, ладно, не переживай, я сам разберусь».

Закончив вызов, он убрал телефон в карман и уперся взглядом в море. Выражение его лица на мгновение стало досадливым.

- Все в порядке? Ты зол? - тихо спросила я.

- Нет, все нормально - коротко ответил он.

Я чуть прищурилась, продолжая молча смотреть на него. Под моим взглядом Яннис вздохнул еще раз и едва заметно улыбнулся:

- Ну... может, немного.

Он качнул головой и мимоходом пояснил:

- Никос должен был забрать для нашего проекта кое-какие документы в Афинах, пока сам был там по делам, но опять все перепутал и забыл. Теперь придется решать это самому. Но да ладно, у него сейчас завал с работой и переездом, легко было выскочить из головы. Бывает.

Я ничего не стала говорить. В моем рабочем мире за подобные ошибки не прощали, а клиентка из чата за меньшую оплошность была готова уничтожить мою карьеру. Наблюдать за тем, с какой легкостью Яннис прощает чужие промахи, было непривычно. Яннис бросил взгляд на заходящее за горизонт солнце и поднялся.

- Ну, мне пора собираться в море.

Я тоже встала, удерживая кошку на руках. Заходящее солнце окрасило воду в багровые тона. Понимая, что он вот вот уйдет, я наконец пересилила себя и задала вопрос, который мучил меня еще с прошлой ночи:

- Куда ты плаваешь по вечерам? Вчера я видела твою лодку с веранды.

Яннис остановился, обернулся и тепло посмотрел на меня.

- Подальше от берега. На суше слишком много искусственного света - фонари, окна, машины. А там, в километре от берега, наступает полная темнота. И звезды видно совсем по-другому. Они будто ближе.

Он сделал шаг ко мне и тихо добавил:

- Хочешь со мной? На полчаса. Просто посмотреть.

Я замерла. Внутри все вспыхнуло - мне искренне, всем сердцем захотелось сказать «да». Захотелось вырваться из плена своих тревог, сбежать от рабочих чатов и прикоснуться к этой манящей, далекой красоте. Но взгляд невольно упал на лодку. На темнеющую, покачивающуюся воду. На глухую толщу Эгейского моря, которая еще свежим воспоминанием отзывалась паникой в груди.

- Нет, Яннис... Спасибо, но я не могу, - тихо ответила я, опуская глаза.

Яннис не стал меня уговаривать или давить. Он лишь понимающе кивнул.

- Хорошо. Хорошего вечера, Дафна.

Он повернулся и шагнул к своей лодке. А я так и осталась стоять на берегу, прижимая к себе мурлыкающую кошку. Я молча смотрела, как Яннис заводит мотор, как его лодка медленно отходит от причала, оставляет за собой ровную пенную струю и постепенно растворяется в сумерках уходящего дня.

И опять в который раз за все эти дни в душе поднялось острое, горькое чувство собственного предательства. Мне стало безумно, до слез жалко, что мой собственный страх снова сделал выбор за меня.